Тан Янь поначалу думал, что это бессмысленно, но после тщательной дегустации таких слов, он вдруг понял, что слова Жирного Ци просто имеют слишком много смысла!

Потому что Тан Янь нашел, что если бы он был старейшиной, он был бы несчастлив, только если бы он встретил такого так называемого ученика-гения.

В конце концов, мы все были культиваторами, и то, за что мы боролись, было талантом и силой, и если бы дело дошло до этого, то было бы неправильно наказывать кого-то, в конце концов, даже если бы он наказал сейчас, если бы издевательства всегда были высокими и могучими в будущем, если говорить откровенно, тот, кто страдал, все равно был бы тем, кого издевались.

Тон толстяка Ци внезапно был несколько потерян, и он сказал низким голосом: "Так что теперь ты знаешь, что в таких местах, как Дворец Пилл, даже не нужно Мусор, а тем более мусор без позвоночника".

"Эй, Ци Толстяк, мне жаль тебя, в таком месте, с твоим талантом, это действительно нелегко, но это не имеет значения, в будущем. Я прикрою тебя, брат!"

Тан Янь с сочувствием посмотрел на Толстяка Ци и в ярости сказал.

Жирный Ци, однако, чихнул и с презрением сказал: "С этим сгущенным Восьмым Весом Юаня выращивание у вас есть сейчас?".

Лицо Тан Яна было слишком вялым, он фыркнул и сказал: "Я моложе тебя, и когда я доживу до твоего возраста, мое культивирование гарантированно будет уже Обгоняет тебя".

Жирный Ци, однако, был еще более беззаботным, когда улыбнулся и сказал: "Не то, чтобы я тебя отговаривал, во Дворце Пилл нет такой тысячи так называемых гениев, как ты! Если ты действительно хочешь, чтобы тебя узнали, тебе лучше сначала прорваться через царство Учреждения Фонда. Ты знаешь, в твоем возрасте, ты достиг своего культивирования. Просто тех, кто может прорваться в область Учреждения Фонда в течение трех лет, на самом деле очень мало. В конце концов, все люди лишены лица".

Тан Янь покраснел красным и в раздражении сказал: "Я сказал Ци Толстяк, сколько лица ты дашь мне умереть"?

Толстяк Ци приложил руки к груди, посмотрел в сторону и сказал: "Извини, я, Толстяк Ци, даю лицо только истинным гениям".

Тан Янь был так зол, но он просто не мог ничего поделать с лицом к лицу с Толстяком Ци, который был выше его как в сфере выращивания, так и в его возрасте.

В конце концов, он не мог ни драться, ни говорить, что еще он мог сделать?

Ye Бай спокойно слушал, как два человека борются, но в своем сердце, он улыбнулся, он вдруг почувствовал, что с этими двумя людьми, его дни в этом дворце таблеток, безусловно, не будет одиноко.

Думая об этом, Йе Бай подумал, что было бы неплохо иметь двух друзей, Тан Янь и Толстяка Ци.

Подобно тому, как Ци Толстяк и Тан Янь ущипнули, кто-то вдруг закричал низким голосом: "Старейшина здесь"!

С этими словами весь зал Дэна замолчал, который не осмелился говорить больше.

Толстяк Ци сидел прямо, как будто ничего не случилось.

Ye Bai покачал головой, затем он увидел, что Tang Yan зондировал и очень нечестно смотрел в сторону спины к двери зала таблеток, как будто он хотел увидеть, кто входит.

"Почему это плохой старик, где обещанный прекрасный старец?"

Похоже, увидев посетителя, Тан Янь очень разочарованно пробормотал ворчание.

Но Е Бай был шокирован, кто был Цин И Ли, что было существование, что даже его старший брат называл могущественным, такой человек также осмелился клевета так много?

С появлением подножки в сердце Е Бая всегда было плохое предчувствие.

Он всегда чувствовал, что этому парню Тан Яну снова не повезло.

Интуиция Йе Бая оказалась очень точной.

Когда шаги в ушах Ye Bai остановились и Tang Yan сидел твердо на его руках и коленях, зазвучал уникальный голос Qing Yi Li.

"Встань".

Когда остальные услышали это, они все тайком посмотрели в сторону спины.

Толстяк Ци уставился на Тан Янь мрачно и увидел, что другая сторона не отреагировала, поэтому он сознательно напомнил: "Тан Янь, старейшина зовет тебя".

"А? Позвонить мне?"

Тан Янь встал от ошеломления, и как только он увидел стоящего перед ним старейшину в зеленой одежде, он тут же улыбнулся и с энтузиазмом сказал: "Старейшина, ты меня ищешь! Могу я вам помочь?"

Ли Циньи смотрел на Тан Янь с кажущейся улыбкой, как и Тан Янь с облегчением, думая, что с ним вот-вот произойдет что-то хорошее. Вдруг он увидел, как лицо Ли Цинъи раковилось, и холодным голосом сказал: "Убирайся!".

"А?"

Слова, однако, дали Тан Янь пугающее ощущение.

На мгновение он не смог отреагировать.

Е Бай горько улыбался на губах, но он ничего не сказал, он не думал, что у него хватит квалификации, чтобы лаять на этого старейшину Ли Цинъи.

Толстяк Ци, однако, сжал брови и засмеялся: "Старейшина просит тебя выйти, ты что, не слышал?".

Тан Янь посмотрел на Толстяка Ци, затем с игривой улыбкой посмотрел на зеленого старейшину перед ним и сказал: "Познакомьтесь со старейшиной, я новичок", Сегодня здесь первый день, так что если что-то не так, пожалуйста, потерпите со старейшинами".

"Включить?"

Цин И Ли улыбнулся ему на губах, когда он с интересом посмотрел на Тан Янь и сказал: "Ты первый ученик, который осмелился так со мной поговорить". "

Ученики внутренней секты, которые смотрели эту сцену, были взволнованы, но они знали о последствиях неповиновения приказам Цин И Ли!

Тан Янь, однако, не заметил ни малейшего, а вместо этого сказал близко: "Старейшина, я ничего не делал только сейчас, возможно, ты и мой хозяин все еще знаете друг друга...".

"Извини, даже если я знаю твоего хозяина, это дело твоего хозяина, но ты, а не твой хозяин."

Цин И Ли холодно вздыхнул, щелкнул рукавом и сказал: "Хиппи, преступление усугубляется, если ты не выйдешь на улицу, отныне тебе не придется посещать мой урок! ."

"А? Старейшина, нет!"

Тан Янь был сбит с толку, его разум был пуст, и у него было чувство потери слов.

Ye Бай тихо толкнул Tang Yan, и только после этого первый отреагировал на старое, его губы двинулись, желая сказать что-то мягкое, но Li Qingyi уже перешагнул в сторону передних ступеней.

Тан Янь только обнаружил, что темперамент старейшины был настолько силен, что дал ему неожиданное ощущение.

После долгих вздохов Тан Янь взглянул на Йе Бая и сказал, полный эмоций: "Брат, береги себя!".

В этот момент Йе Бай очень хотел выгнать Тан Яна, он просто чувствовал себя таким униженным!

И такие действия Тан Яна, неудивительно, вызвали не очень большой насмешливый смех.

Только после того, как Тан Янь покинул зал таблеток, Ли Циньи торжественно сказал: "Хотя мой зал таблеток не имеет больших правил, вы должны помнить. Если у вас нет этого таланта, вы будете вести себя с хвостом между ног, что хорошо как для себя, так и для других".

"Да, старейшина!"

Ученики внутренней секты мгновенно напрягались, как будто они даже не улыбнулись.

Только тогда Ли Цинъи кивнула в удовлетворении, улыбка на ее лице, и ее глаза посмотрели на Е Бай в кажущейся незаметной манере.

http://tl.rulate.ru/book/41053/950988